

ствительной, а тѣмъ болѣе беззавѣтной, вживчивости въ сокровища царства Божія. Отсюда второе слово о томъ же, но уже примѣнительно къ внѣшней правдѣ Ветхаго Завѣта, въ рамкахъ того что должно было считаться съ низменнымъ въ человѣкѣ, благодаря господству въ немъ неомытаго еще грѣха ¹⁾. Это второе слово направляется уже по человѣку и доступной человѣку постепенности возрастанія въ добрѣ. Оно идетъ также отъ нисшаго къ вышему, только уже нисшаго въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ человѣкѣ есть двѣ силы, которыя сильны совсѣмъ поработить его грубо порочной жизни. Но если плотская страсть губительно дѣйствуетъ на нравственное его здоровье, то въ общемъ понятная каждому сила *ὀργή*, сама по себѣ безразличная, можетъ быть *ὀργή εἰκῆ*—можетъ принять такое направленіе, которое ввергаетъ въ сугубыя грубости до безвозвратной потери образа Божія. Отсюда второму слову приличествовало прежде всего призвать христіанина къ тому, чтобы онъ разъ навсегда порѣшилъ съ *этой* своей погибелю. Отсюда второе приуготовленіе къ царствію Божію начинается не съ какой другой, а именно съ 6-й заповѣди, которая беретъ тоже самое явленіе, тотъ же самый поворотъ *ὀργή* въ пагубную сторону, только беретъ, что называется, въ фактѣ.—Далѣе, не останавливаясь на побочномъ, не уклоняясь отъ своей преднамѣренной цѣли, ученіе о царствіи небесномъ, преподанное въ сравнительной формѣ требовало обратиться къ искорененію другой злой силы. А послѣ того какъ почва расчищена, по преднамѣренію должно было слѣдовать

¹⁾ Этотъ и объясняется, что гр. Толстѣй въ катихизисахъ встрѣчаетъ заповѣди блаженства, а не тѣ заповѣди, которыя даны по сопоставленію съ ветхозавѣтными законами. Последнее было бы сообразно съ дѣломъ только лишь въ томъ случаѣ, если бы новозавѣтный законъ Христа *уничтожилъ* законъ ветхозавѣтный. Но этого нѣтъ; самое противоположеніе, какъ видно, объясняется совсѣмъ изъ нихъ основаній (пастырско-методическихъ, педагогическихъ); и потому единственное, что я бы считалъ необходимымъ замѣтить по поводу длинной полемики гр. Толстаго относительно Мѣ. V, 17. заключается въ томъ, что центръ тяжести не здѣсь, а въ стихѣ 19—въ томъ, что подѣ «малѣйшей изъ заповѣдей сихъ» нужно разумѣть начертанныя *Спасителемъ* расширенія ветхозавѣтнаго закона, оиать-таки не уничтожиющія, а безспорно лишь «исполняющія» послѣдній и тѣмъ дающія ему жизнь, пока не придетъ небо и земля.